

Сорок калик со каликою

А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова,
Начинали калики наряжаться
Ко святому граду Иерусалиму,
Сорок калик их со каликою.
Становилися во единой круг,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крепкую:
Выбирали бóльшева атамана
Молоды Касьяна сына Михайлыча.
А и молоды Касьян сын Михайлович
Кладет он заповедь великую
На всех тех дородных молодцов:
«А итить нам, братцы, дорога не ближняя —
Идти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыни помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-реке искупатися,
Нетленною ризой утеретися,
Идти селами и деревнями,
Городами теми с пригородками.
А в том-та ведь заповедь положена:
Кто украдет или кто солжет,
Али кто пустится на женской блуд,
Не скажет большему атаману,
Атаман про то дело проведает, —
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю».
И в том-та ведь заповедь подписана,
Белыя рученьки исприложены:
Атаман Косьян сын Михайлович,
Податаманья — брат ево родной
Молоды Михайла Михайлович.
Пошли калики в Ерусалим-град.
А идут неделю уже споряду,

Идут уже время немалое,
Подходят уже они под Киев-град,
Сверх тое реки Чёреги,
На ево потешных на островах
У великова князя Владимира
А и вышли оне из раменья,
Встречу им-та Владимир-князь:
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачак,
Лисиц, зайцов всех поганивает.
Пригодилось ему ехати поблизости,
Завидели ево калики тут перехожия,
Становилися во единой круг,
Клюки-п(о)сохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили,
Скричат калики зычным голосом, —
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали,
Под князем конь окарачелся,
А богатыри с коней попадали,
А Спиря стал постыривать,
Сёма стал пересёмовать.
Едва пробудится Владимир-князь,
Рассмотрил удалых добрых молодцов,
Оне-та ему поклонилися,
Великому князю Владимиру,
Прошают у него светую милостиню,
А и чем бы молодцам душа спасти.
Отвечает им ласковой Владимир-князь:
«Гой вы еси, калики перехожия!
Хлебы с нами завозныя,
А и денег со мною не годилося,
А и ежжу я, князь, за охотою,
За зайцами и за лисицами,
За соболи и за куницами,
И стреляю гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачак,
Изволите вы идти во Киев-град

Ко душе княгине Апраксевне;
Честна роду дочь королевична
Напоит-накормит вас, добрых молодцов,
Наделит вам в дорогу злата-серебра».
Недолго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Киеву.
А и будут в городе Киеве,
Среди двора княженецкова,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исподвесили,
Подсумочья рыта бархата,
Скричат калики зычным голосом, —
С теремов верхи поволялися,
А с горниц охлупья попадали,
В погребах питья сколыбалися.
Становилися во единой круг,
Прошают святую милостыню
У молоды княгини Апраксевны.
Молода княгина испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылает стольников и чашников
Звать калик во светлу гридню.
Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом-поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову
Со своими его товарищами
Хлеба есть во светлу гридню
К молодой княгине Апраксевне.
А и тут Косьян не ослушался,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксевна
Поджав ручки, будто турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
С красными санными деушки.
Молоды Касьян сын Михайлович
Садился в место большее,
От лица ево молодецкова,

Как бы от солнучка от краснова,
Лучи стоят великия.
Убиралис(ь) тут все добры молодцы,
А и те калики перехожиа
За те столы убраныа.
А и стольники-чашники
Поворачевают-пошевеливают
Своих оне приспешников,
Понесли-та ества сахарныа,
Понесли питья медвяныа.
А и те калики перехожиа
Сидят за столами убраными,
Убирают ества сахарныа,
А и те видь пьют питья медяныа,
И сидят оне время час-другой,
Во третьем часу подымалися,
Подымавши, оне богу молятся,
За хлеб за соль бьют челом
Молодой княгине Апраксевне
И всем стольникам и чашникам.
И тово оне еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксевны, —
Наделила б на дорогу златом-серебром,
Сходить бы во град Иерусалим.
А у молодой княгини Апраксевны
Не то в уме, не то в разуме:
Пошлет Алешуньку Поповича
Атамана их уговаривати
И всех калик перехожиех,
Чтоб не идти бы им сево дня и сего числа.
И стал Алеша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зовет к княгине Апраксевне
На долгия вечера посидети,
Забавныа речи побаити,
А сидеть бы наедине во спальне с ней.
Молоды Касьян сын Михайлович,
Замутилось ево сер(д)це молодецкое,
Отказал он Алеши Поповичу,

Не идет на долгия вечера
К молодой княгине Апраксевне
Забавныя речи баити.
На то княгиня осердилася,
Посылает Алешуньку Поповича
Прорезать бы ево суму рыта бархата,
Запехать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет.
Алеша-та догадлив был:
Распорол суму рыта бархата,
Запехал чарочку серебряну
И зашивал ее гладехонько,
Что познать было не можно то.
С тем калики и в путь пошли,
Калики с широка двора,
С молодой княгиней не прощаются,
А идут калики не оглянутя.
И верст десяток отошли оне
От стольнова города Киева,
Молода княгиня Апраксевна
Посылает Алешу во погон за ним.
Молоды Алеша Попович млад
Настиг калик во чистом поле,
У Алеши ве[ж]ство нерожденое,
Он стал с каликами [в]здорити,
Обличает ворами-разбойниками:
«Вы-та, калики, бродите по миру по крещеному,
Ково окрадите, своем зовете,
Покрали княгиню Апраксевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет!».
А в том калики не даются ему,
Молоду Алеши Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворчал Алешинька Попович млад,
Поехал ко городу Киеву,
И так приехал во стольной Киев-град.
Во то же время и во тот же час
Приехал князь из чиста поля,

И с ним Добрынюшка Никитич млад.
Молода княгиня Апраксевна
Позовет Добрынюшку Никитича,
Посылает за каликами,
За Косьяном Михайловичем.
Втапоры Добрынюшка не ослушался,
Скоро поехал во чисто поле,
У Добрыни ве[ж]ство рожденое и ученое,
Настиг он калик во чистом поле,
Скочил с коня, сам бьет челом:
«Гой еси, Касьян Михайлович,
Не наведи на гнев князя Владимирера,
Прикажи обыскать калики перехожия,
Нет ли промежу вас глупова!».
Молоды Касьян сын Михайлович
Становил калик во единой круг
И велел он друг друга обыскавать
От малова до старова,
От старова и до больша́ лица,
До себя, млада Касьяна Михайловича.
Негдѣ та чарочка не явилася —
У млада Касьяна пригодилася.
Брат ево, молоды Михайла Михайлович,
Принимался за заповедь великую,
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистом поле
Молода Касьяна Михайловича,
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшки Никитичу,
И с ним написан виноватой тут
Молоды Касьян Михайлович.
Добрыня поехал он во Киев-град,
А и те калики — в Ерусалим-град.
Молоды Касьян сын Михайлович
С ними, калики, прощается.
И будет Добрынюшка в Киеве
У млады княгини Апраксевны,
Привез он чарочку серебряну,
Виноватова назначено —

Молода Касьяна сына Михайлова.
А с таво время-часу захворала она скорбью недоброю:
Слегла княгиня в великое во агноище.
Ходили калики в Ерусалим-град,
Вперед шли три месяца.
А и будут в граде Ерусалиме,
Святой святыни помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ердане-реке искупалися,
Нетленную ризою утиралися,
А всё-та молодцы отправили;
Служили обедни с молебнами
За свое здравие молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тут калики не замешкались,
Пошли ко городу Киеву
И ко ласкову князю Владимиру
И идут назад уже месяца два,
На то место не угодили они,
Обошли маленькой сторонкаю
Ево, молода Касьяна Михайловича;
Голосок наносит помалехоньку,
А и тут калики остоялися,
А и место стали опознавать,
Подалися малехонько
И увидели молода Касьяна сын Михайлович:
Он ручкой ма́шит, голосом кричит.
Подошли удалы добры молодцы,
Вначале атаман, родной брат ево
Михайла Михайлович,
Пришли все оне, поклонилися,
Стали здравствовать.
Подает он, Касьян, ручку правую,
А оне-та к ручке приложилися,
С ним поцеловалися
И все к нему переходили.
Молоды Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как есён сокол из тепла гнезда.

А все оне, молодцы, дивуются,
На ево лицо молодецкое
Не могут зрить добры молодцы,
А и кудри на нем молодецкия до самага пояса.
И стоял Касьян не мало число, —
Стоял в земле шесть месяцев,
А шесть месяцев будет полгода.
Втапоры пошли калики ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Дошли оне до чудна креста Леванидова,
Становилися во единой круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
И стоят калики потихохуньку.
Молоды Михайла Михайлович
Атаманом еще правил у них,
Посылает легкова молодчика
Доложитья князю Владимиру:
«Прикажит ли ийти нам пообедати?».
Владимер-князь пригодился в доме,
Послал он своих клюшников-ларешников
Побить челом и поклонитися им-та, каликам,
Каликам пообедати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тут клюшники-ларешники
Пришли оне к каликам, поклонилися,
Бьют челом к князю пообедати.
Пришли калики на широкой двор,
Среди двора княженецкова
Поздравствовал ему Владимир-князь,
Молоду Касьяну Михайловичу,
Взял ево за белы руки,
Повел во светлу гридню.
А втапоры молоды Касьян Михайлович
Спросил князя Владимира
Про молоду княгиню Апраксевну:
«Гой еси, сударь Владимир-князь!
Здравствует ли твоя княгиня Апраксевна?».
Владимер-князь едва речи выговорил:
«Мы-де уже неделю-другу не ходим к ней».

Молоды Касьян тому не брезгует,
Пошел со князем во спальню к ней,
А и князь идет свой нос зажал,
Молоду Касьяну то нечто ему,
Никакова духу он не верует.
Отворяли двери у светлы гридни,
Раскрывали окошечки косящетые,
Втапоры княгиня прощалася,
Что нанесла речь напрасную.
Молоды Касьян сын Михайлович
А и дунул духом святым своим
На младу княгиню Апраксевну, —
Не стало у ней тово духу-пропасти,
Оградил ея святой рукой,
Прощает ее плоть женскую,
Захотелось ей, и пострада она:
Лежала в страму полгода.
Молоды Касьян сын Михайлович
Пошел ко князю Владимиру во светлу гридню,
Помолился Спасу образу
Со своими каликами перехожими,
И сажалися за убраны столы,
Стали пить-есть, потешатися.
Как будет день в половина дня,
А и те калики напивалися,
Напивалися и наедалися,
Владимер-князь убивается,
А калики-та в путь нарежаются.
Просит их тут Владимир-князь
Пожить-побыть тот денек у себе.
Молода княгиня Апраксевна
Вышла из кожуха, как из прѹпости.
Скоро она убиралася,
Убиралася и нарежалася,
Тут же к ним к столу пришла
С няньками, с мамками
И с санными красными девицами
Молоду Касьяну поклоняется
Без стыда-без сорому,

А грех свой на уме держит.
Молоды Касьян сын Михайлович
Тою рученькой правою размахивает
По тем ествам сахарным,
Крестом огражает и благословляет,
Пьют-едят, потешаются.
Втапоры молоды Касьян сын Михайлович
Вынимал из сумы книжку свою,
Посмотрил и число показал,
Что много мы, братцы, пьем-едим, прохложаемся,
Уже третьей день в доходе идет,
И пора нам, молодцы, в путь идти.
Вставали калики на резвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьют челом князю Владимиру
С молодой княгиней Апраксевной
За хлеб за соль ево,
И прощаются калики с князем Владимиром
И с молодою княгинею Апраксевною.
Собрались оне и в путь пошли
До своего монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и деянье.

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.:
Наука, 1977.